

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПРОЩЕНИИ В ЛАКАНОВСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹

А. ЧЕРНОГЛАЗОВ

И снова многозначный образ литературного героя, на этот раз Платона Каратаева, выписанного пером Льва Толстого, открывает перед нами возможность осмысления темы прощения. Автор рассматривает ее сквозь призму категорий лакановского психоанализа.

Жак Лакан не говорит о прощении, пожалуй, ни разу. И не случайно. Дело в том, что заповедь любви к ближнему как к самому себе он, вслед за Фрейдом, почитал заведомо невыполнимой. Невыполнимой хотя бы уже потому, что невозможна, в его понимании, любовь к себе. Невозможна, так как отношения человека к себе, как и к ближнему, изначально построены на агрессивности. Агрессивность в системе отношений, которые он называет *дуальными*, и которые принадлежат к регистру *воображаемого*, неизбежна и преодолевается лишь с введением в отношения между людьми третьей, символической инстанции. Собственно, лишь с появлением этой последней и *возникает* коррелятивный ей человеческий субъект, субъект бессознательного. Прощение, конечно, представляет собой символический акт, оно предполагает наличие символической системы, закона в той или иной форме. Как таковой, оно тоже регулирует отношения человека к ближнему. Но если мы, вслед за о. Василием Термосом, говорим об *онтологии* прощения, то это значит, что этой регулирующей функцией значение прощения не исчерпывается, что оно влечет за собой принципиальную перестройку отношений *субъекта* не только с тем, что Лакан обозначает строчной буквой *a*, то есть с миром себе подобных, но и с тем, что обозначает он *A* заглавным, с местом закона, с регистром символического. И уже она, эта структурная перестройка, влечет за собой и сдвиги на ином – *воображаемом* – уровне. Чтобы проследить, как это происходит, я предлагаю обратиться к литературному эпизоду, рус-

---

¹ Данная публикация подготовлена в продолжение статьи о. Василиоса Термоса «Прощение как полнота жизни», опубликованной в МПЖ № 1, 2007.

скому читателю хорошо известному – эпизоду из последней части «Войны и мира».

Идя в колонне пленных, Пьер обращает внимание на солдата по имени Платон Каратаев, личность которого произвела на него необыкновенное впечатление. Однажды, на ночном привале, приблизившись к костру, он застал там Платона, который рассказывал солдатам «знакомую Пьеру историю». Историю эту он слышал уже не впервые – «Каратаев шесть раз ему одному рассказывал эту историю и всегда с особенным радостным чувством». Очевидно, он многократно рассказывал ее и другим, испытывая каждый раз радостное, восторженное чувство. Более того, «тот тихий восторг, который, рассказывая, видимо испытывал Каратаев, сообщился и Пьеру». История эта, объясняет Толстой, «была о старом купце, благообразно и богобоязненно жившим с семьей и поехавшим однажды с товарищем, богатым купцом, к Макарью. Остановившись на постоялом дворе, оба купца заснули, и на другой день товарищ купца был найден зарезанным и ограбленным. Окровавленный нож был найден под подушкой старого купца. Купца судили, наказали кнутом, и, выдернув ноздри... сослали в каторгу». Годов десять спустя каторжные разговорились у костра и «зашел у них разговор, кто за что страдает, в чем богу виноват... Стали старичка спрашивать: ты за что, мол, дедушка, страдаешь? – Я, братцы мои миленькие, за свои, да за людские грехи страдаю... И рассказал им, значит, как все было дело по порядку. Я, говорит, о себе не тужу. Меня, значит, Бог сыскал. Одно, говорит, мне свою старуху и деток жаль. И так-то заплакал старичок. Случись в их компании тот самый человек, что купца убил... Заболело у него сердце. Подходит таким манером к старичку – хлоп в ноги. За меня ты, говорит, старичок, пропадаешь... Я, говорит, то самое дело сделал и нож тебе под голова сонному подложил. Прости, говорит, дедушка, меня ты ради Христа... Старичок и говорит: Бог, мол, тебя простит, а мы все, говорит, Богу грешны. Я за свои грехи страдаю». В этом месте рассказа Каратаев начинает говорить «все светлее и светлее, сияя восторженной улыбкой... как будто в том, что он имел теперь рассказать, заключалась главная прелесть и все значение рассказа». Убийца винится по начальству, посылают бумагу, дела доходит до Государя. «Пришел царский указ: выпустить купца, дать ему награжденья, стали старичка разыскивать... А его уж Бог простил – помер... – закончил Каратаев и долго, молча, улыбаясь, смотрел перед собой».

История эта не из веселых, но рассказчик буквально одержим ею и испытывает, рассказывая ее, глубокую радость. Более того, «не самый рассказ этот, но таинственный смысл его, та восторженная радость, которая сияла в лице Каратаева при этом рассказе, таинственное значение этой радости, это-то смутно и радостно наполняло теперь душу Пьера». Именно с этой истории началась в душе Пьера бессознательная («ему казалось, что он ни о чем не думает»), но радикальная внутренняя перестройка («но да-

леко и глубоко где-то что-то важное думала его душа. Это что-то было тончайшее духовное извлечение из вчерашнего его разговора с Каратаевым»). Перестройка, освободившая его для новой любви – любви к Наташе Ростовой. Не случайно в одной из первых же своих бесед с ней он пересказывает ей историю Каратаева, видя «как будто новое значение во всем том, что он пережил» и испытывая при этом «редкое наслаждение».

Что движет Каратаевым, когда он без конца, сам не зная зачем, рассказывает эту историю тем же собеседникам вновь и вновь? Почему доставляет она такую радость? Почему радость эта передается Пьеру, хотя смысл истории ему непонятен – передается вместе со стремлением эту историю пересказывать, стремлением, которому не чуждым оказался и сам донесший до нас ее автор, не говоря уже об авторе этой статьи, с трудом удержавшемся от желания привести ее полностью? Почему рассказ о гибели хорошего человека, безвинно теряющего жизнь, имя, семью и сгинувшего на каторге без следа, наполняет рассказчиков и слушателей такой радостью – вспомним, что именно в конце его, при упоминании гибели старика, испытывает Каратаев особое просветление и восторг.

Перед нами история о прощении – именно в нем главное ее содержание. Чем это прощение мотивировано? Дело не в особенной любви купца к убийце – прощает он потому, что считает себя в долгу перед Богом и страдает за свои собственные грехи. Говоря, что руками убийцы его «сыскал Бог» – нашел, как находит преступника полицейский сыщик, – купец переводит свои отношения из регистра *воображаемого* в регистр *символического*. Посредником между людьми, организующим их взаимоотношения, выступает, в самом широком смысле, Закон, представляющий собой регистр символического. Но отношения, которые он регулирует, суть отношения между себе подобными, маленькими *a*, связанными между собой воображаемой, зеркальной зависимостью. Сколь бы глубоко вмешательство Закона в эти отношения ни было, они остаются отношениями воображаемыми, в них сохраняется неустранимый, обусловленный нарциссической подоплекой, источник агрессии. Запишем условно схему таких отношений, как $a - (A) - a^*$. «*A*» не играет в таких отношениях самостоятельной роли, это всего лишь *посредник*, и притом посредник безличный, мертвый, несмотря на вполне реальное воплощение свое в сонме фигур, олицетворяющих в обществе правосудие. Что касается субъекта, то ему и вовсе в этой схеме нет места – он мертв в ней, как мертв в ней закон. В чем состоит акт прощения? Купец, испытывающий чувство вины, то есть, говоря языком христианства, знающий свою греховность, не проявляет по отношению к ближнему агрессии, не требует расплаты в *воображаемом* плане, а использует долги ближнего перед ним

как вексель в уплате собственного символического долга Другому. Это именно символический акт, ибо дает он то, чего у него нет, чего он фактически уже лишился. Заметим, что, делая это, он следует притче, которую находим мы в 16-й главе Евангелия от Луки: «Один человек был богат и имел управителя, на которого ему донесено было, что расточает имение его; и, призвав его, сказал ему: что это я слышу о тебе? Дай отчет в управлении твоём. Ибо ты не можешь более управлять. Тогда управитель сказал сам в себе... знаю, что сделать. Чтобы приняли меня в дома свои, когда отставлен буду от управления домом. И призвав должников господина своего, каждого порознь, сказал первому: сколько ты должен господину моему? Он сказал: сто мер масла. Он сказал: возьми твою расписку и садись, скорее напиши: пятьдесят. Потом другому сказал: а ты сколько должен? Он отвечал: сто мер пшеницы. И сказал ему: возьми свою расписку и напиши: восемьдесят. И похвалил господин управителя неверного, что догадливо поступил. Ибо сыны века сего догадливее сынов света в своём роде». С уменьшением долга должников перед ним как перед управителем уменьшается и долг управителя перед господином.

Прощая грабителя преступление, купец принимает его последствия как уплату собственного символического долга. Разрушенная жизнь, разорение, каторга, дети, оставшиеся сиротами, безутешная жена – все это благодаря прощению стало из повода для отчаяния источником радости, символической ценой, уплаченной за примирение с Другим, выступающим уже не как мертвый Закон, а как личное, живое начало. Другой из посредника становится собеседником, символическим партнером, а посредником, наоборот, выступает располагающийся в регистре воображаемого убийца, a^* . Это будет соответствовать перестановке на нашей схеме: $a - (a^*) - A$. Воображаемый партнер выступает в ней как посредник в отношениях с партнером символическим. Но это уже не безличное и мертвое место закона, не бог философов и ученых, а живой Бог, Бог Авраама, Исаака и Иакова. Именно к Нему обращается купец, и отношения его к ближнему, в данном случае, к убийце его товарища, служат символическому урегулированию их отношений. Другими словами, схему можно было бы переписать в виде $S / - (a - a^*) - A$, где отношения между людьми возводятся в символическое достоинство, служат установлению символических отношений субъекта с Другим. Что вполне соответствует духу Евангельских текстов, где поступки, совершенные по отношению к ближнему, ставят человека в прямые отношения с Богом. И дело здесь не в каком-то мистическом присутствии Бога в ближнем, а в том, что отношения к ближнему символически соотносят нас с Ним – не случайно просим мы о прощении и даем его «ради Христа».

Но остается другой вопрос, не менее интересный, вопрос о впечатлении, которое рассказ этот производит на слушателя и самого рассказчика. Вспомним, что «главная прелесть и значение рассказа» заключалась для Каратаева в его окончании – в моменте, когда восторжествовавшая было справедливость уже просто-напросто не находит старика-купца. Кульминация радости связана не с торжеством справедливости, а, напротив, с моментом, когда она попрана, когда она оказывается бессильна и, собственно говоря, не нужна.

Если мы будем рассматривать эту навязчиво повторяемую историю как своего рода сновидение, как осуществление бессознательного желания рассказчика, то в чем это желание состоит, почему для осуществления его необходима гибель главного персонажа, его исчезновение? Потому, очевидно, что именно в силу страдания и несправедливой, безвинной гибели героя выясняется, неожиданно для нас самих, что радость, которую мы вместе с Каратаевым и Пьером испытываем, не только преодолевает естественное сочувствие судьбе персонажа, но и полностью затмевает его, обнаруживая своего рода откровенное, несдержанное бесстыдство. Возникает парадоксальная ситуация, когда горе ближнего вызывает у нас не сочувствие, а нескрываемое наслаждение. Это и есть, собственно, то самое, что называет Лакан *plus-de-jouir*, наслаждением одновременно избыточным и избытым, отвергнутым, определяя его, скажем, в Семинаре XVI, как «функцию отказа от *jouissance* (слово тоже многозначное, означающее как наслаждение, прежде всего сексуальное, так и легитимное владение и пользование определенным благом) следующее из определенного дискурса» (XVI, p.19). «В симптоме», говорит он далее – а перед нами здесь явно симптоматическое образование, – «мы имеем дело с движением субъекта вокруг того, что мы называем прибавочным наслаждением, но что сам он назвать не способен» (X, p.21). Но проявляется оно отнюдь не в плане истории как таковой, не в плане повествования, в том, что Лакан называет *enonce*, а в акте ее воспроизведения и выслушивания, *enonciation*. Прощение, данное стариком-купцом, не получающим в рассказе никакой видимой награды, а, напротив, уходящим из жизни, доставляет прибавочное наслаждение нам, воспроизводящим бессознательно совершенную им работу отказа, работу символизации, труд символического Богообщения, символической жертвы. Невидимое в плане повествования становится видимым в плане акта высказывания, приносит свой плод в рассказах и слушателях. Наша реакция на рассказ, испытываемая нами радость и проливает свет на то, что в рассказе скрыто. В ней-то, а вовсе не в самой истории, и заключается отсутствующий в рассказе Каратаева сча-

стливый конец. Счастливый, в частности, для героев романа – для самого Каратаева, сумевшего смиренно принять неминуемую для него смерть, и для Пьера, избавившегося от груза ложного Я с его бременем целевых установок и освободившего свое желание для новой любви. Но счастье не венчает подвиг, оно предшествует ему, и подвиг Пьера, насколько знаем мы о замыслах Толстого, ждет его впереди.

Прощение, таким образом, выступает в нашей истории как символический акт, устанавливающий, ценой отказа от обладания / наслаждения, символические отношения с Другим. Субъект, чье желание составляет внутреннюю пружину отказа, остается скрытым, выступая на поверхность лишь вне события, в повествовании о нем, в виде того, что описывает Лакан как «провалы, превращающиеся у меня в (*a*), читай: объект маленькое *a*, а точнее: то, что отброшено, что окажется высказано лишь когда я умру, когда меня, наконец, услышат, а еще точнее: первопричин(а) моего желания». Радость, которую испытываем мы при слушании и рассказе, оказывается отражением, откликом – а тем самым и живым свидетельством – совершаемого в акте прощения ближнему примирения с Богом.